

Юбилей

ПОЛВЕКА пилотируемой космонавтики

Арсений Замостьянов

В этом году мы отмечаем 50-летие первого полёта человека в космос. Им стал наш соотечественник, советский военный лётчик Юрий Алексеевич Гагарин. Это праздник всей страны. Важно, чтобы все мы осознали: 12 апреля — это всенародный праздник. По силе исторического значения его можно сравнить только с Днём Победы. Пропаганда наших космических достижений должна стать фундаментом патриотического воспитания в школе.

• День космонавтики • патриотическое воспитание • история пилотируемой космонавтики

Нам необходима бдительность: не успеем оглянуться, как все заслуги нашей страны будут перечёркнуты международными фальсификаторами истории. Они ведут отсчёт космической эры не с первого спутника, не с первого человека в космосе, а с высадки на Луну. Сегодня в мире мало кто знает фамилии Ю. Гагарина, С. Королёва. С Россией не ассоциируются космические победы. Нам хотят внушить, что Россия — это бандитизм, коррупция, агрессия, а не научно-технические победы.

Прорыв в космос — победа целого поколения. Наука, армия, промышленность, система образования ориентировались не на одиночек, а на массы. И большая историческая

победа была закономерна. Эту логику истории должны учесть разработчики новейших программ патриотического воспитания.

Старейшина мировой космонавтики

Наш собеседник — Георгий Михайлович Гречко, блестящий эксперт в области космонавтики, ракетостроения, неравнодушный комментатор общественной жизни. Нам есть чему поучиться у этого прямодушного и мужественного человека.

Он причастен к судьбам Отечества, с которым делил и делит и тяготы, и славу. Отец космонавта ушёл на фронт

А.А. Замостьянов. Полвека пилотируемой космонавтики

добровольцем. Мама — блокадница. Самого Георгия Гречко война застала на Украине, где он проводил школьные каникулы в доме деда. Два года он прожил на оккупированной территории. Георгий Михайлович — коренной ленинградец. Он называет себя именно ленинградцем, а не питерским. Объяснение такое: «Ленинград был культурной столицей, а Петербург стал криминальной». Между прочим, он был первым коренным ленинградцем в космосе. По образованию и по характеру Гречко — учёный, исследователь, инженер. Не орбите его порой называли «сумасшедшим учёным», а руководство однажды сделало выговор за то, что во время полёта он работал больше положенного, расширял программу, отнимая время у собственного отдыха. «Сумасшедший учёный» просто не мог остановиться, ему было интересно.

На «фирму С. Королёва» он пришёл в 1954 году писать диплом. «Это был проект старта ракеты с подводной лодки с помощью своего же двигателя, без вспомогательных средств. Уже с 54-го года я работал в КБ, получал полставки». Отец видел Георгия преподавателем в Военмехе. Да и репутация в институте у него была блестящая: за все годы учёбы ни одной «четвёрки», только «отлично». И всё-таки он ринулся в Подлипки. Поманили ракеты, космос.

После первого спутника и гагаринского полёта работа с Королёвым воспринималась как главное дело века уже не только группой всё понимающих энтузиастов. Это были звёздные часы космонавтики. Наконец, учёных, инженеров стали принимать в отряд космонавтов. Георгий Гречко, к собственному удивлению, прошёл медицинскую комиссию и жёсткие испытания. Из трёхсот кандидатов в заветный отряд попали только тринадцать. Но до первого полёта было далеко. Мотоцикл, авария, сломанная нога — и на много лет Гречко оказался в космическом резерве. От несбывшихся надежд можно было прийти в отчаяние. Но сегодня он благодарит судьбу за эту отсрочку. Пребывая в резерве, он работал

на полную катушку, совершенствовался как учёный и как космонавт. И отправился в космическое путешествие, будучи уникально подготовленным.

Первый полёт сорокачетырёхлетнего Георгия Гречко проходил с 11 января по 9 февраля 1975 года. Рядом с ним на корабле «Союз-17» был лётчик-космонавт А.А. Губарев. Корабль состыковался с орбитальной станцией «Салют-4». Не прошло и трёх лет, и страна уже провожала Гречко в новый полёт, который должен был стать рекордным по продолжительности не только для СССР, но и в мировом масштабе. Вместе с Ю.В. Романенко Г.М. Гречко пребывал в космосе 96 суток и 10 часов — с 10 декабря 1977 года по 16 марта 1978 года. Мировой рекорд, фантастический по тем временам! Они работали на станции «Салют-6», утверждая советское присутствие в космосе. Прошло семь с половиной лет — и снова Георгий Гречко отправился в космическую экспедицию. С 17 по 26 сентября 1985 года он работал на борту орбитального комплекса «Салют-7» — «Союз Т-13» — «Союз Т-14».

История пилотируемой космонавтики не исчерпывается праздниками и триумфами. Далеко не все миссии были стопроцентно успешными. И в СССР, и в США, и в современной России не было ни одного полёта без серьёзных трудностей, в преодолении которых и проявляется профессионализм космонавта. По признанию коллег, он один из лучших космических бортинженеров в истории, трижды продуктивно работавший на орбите. Самые известные космонавты младших поколений учились у него, старались перенять хватку исследователя.

Пожалуй, главный урок Г.М. Гречко — целеустремлённость учёного, который сказку делает былью, который умеет мечтать, увлекаться и работать на результат. Он рядом с нами. Живёт

в Москве, трудится, иногда выступает по телевидению, иногда с кем-то спорит или попросту шутит по радио.

Рассказывает Г.М. Гречко

Отец мой родом с Черниговщины, в Ленинград приехал учиться. Мама родом из Белоруссии. Я иногда говорю так: отец у меня украинец, мама — белоруска, а я — русский, ленинградец. Мама родилась в небольшом селе Кущевичи. А потом её отец, мой дед, переехал через реку и вместе с семьёй поселился в Чашниках. Чашники были небольшим селом. Сейчас это разросшийся город, районный центр в Витебской области. Дед — человек очень сильный и трудолюбивый — работал там плотогоном. Эти места известны с древних времён, их упоминают летописцы, писавшие о Полоцком княжестве. Сколько сражений там было! — с поляками в XVI—XVII веках, со шведами при Петре... А недавно я узнал, что мы с Жоресом Ивановичем Алфёровым земляки. Дедушка нобелевского лауреата тоже жил в Чашниках. Более того, он тоже был плотогоном! Бог даст, мы вместе посетим Родину наших дедов.

У меня был свой угол, свои книжные полки. Я собирал не только фантастику и приключения, но и научно-популярные книги. Сейчас понимаю, что мама разжигала во мне интерес к научно-популярным книгам, но делала это так незаметно, что я был уверен: всё делаю самостоятельно.

Книги... Я знал места, где их можно купить или выменять у букинистов, ходил на «толкучки». Особенно интересовали меня книги про полёты, про планеты, книги по астрофизике. Мне удалось раздобыть даже два тома из знаменитой энциклопедии «Межпланетные сообщения» под редакцией Николая Алексеевича Рынина. Эти тома выходили мизерным тиражом и быстро становились библиографической редкостью. Даже у Королёва не было полного Рынина — только три тома! Профессор Рынин жил в Ленинграде, я знал об этом. На последней странице «Межпланетных сообщений» было указано: «Отзывы направлять по адресу Ленинград, улица Жуковского... дом... квартира...». Мне очень хотелось с ним позна-

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

комиться, поговорить о своих первых научных интересах... Я долго собирался к нему сходить, но робел. Наконец, решился. Это было в 1947 году. Дошёл до дома, нашёл дверь и стушевался. Не осмелился побеспокоить профессора, редактора такой книги. Потом всё же решился и позвонил. Мне открыли дверь на цепочке. На мою просьбу поговорить с Николаем Алексеевичем тихий женский голос ответил, что он умер в блокаду.

Несколько лет назад я был в ЛИИЖТ, где работал Рынин. Как мне сказали, там в библиотеке были все 12 томов. Мне хотелось на них посмотреть. Но библиотекарь не нашёл ни одного тома: всё разворовали.

Родители дали мне чисто ленинградское образование. Например, когда из репродуктора лилась музыка, мать всегда экзаменовала меня: какое это произведение, кто композитор. А музыка в те годы в репродукторе не прекращалась. И я полюбил музыку. Мама постоянно водила меня в театр, в музей. И к этому я пристрастился на всю жизнь. В каждом городе, где я бываю, обязательно хожу в музей. А без театра жизни не представляю. И, например, Евгений Лебедев в роли Холстомера меня потряс — а удивить меня к тому времени было непросто, я ведь уже побывал в космосе.

Отец мой был младшим научным сотрудником технического института, а мама — главный инженер завода. Такая вот семья технарей. Не знаю, передаются ли способности по наследству, но однажды со мной произошла странная вещь. К нам в гости пришёл преподаватель черчения и, между прочим, рассказал мне, как нужно рисовать гайку в разрезе. И тут со мной произошло необъяснимое: правило черчения гайки произвело такое сильное впечатление, что я твёрдо решил стать инженером-механиком и никем больше.

А.А. Замостьянов. **Полвека пилотируемой космонавтики**

До сих пор удивляюсь, почему гайка так меня потрясла. Просто заворожила золотым сечением! Я всерьёз увлёкся точными науками из-за этой гайки. Наверное, увидел в ней средоточие тайны, которую можно раскрыть, став технически образованным человеком.

Когда сегодня я выступаю перед школьниками, когда они просят у меня автограф, я никогда не отказываюсь. Из-за гайки. А вдруг с кем-то произойдёт подобная история? Возьмёт вот этот парнишка сейчас мой автограф и захочет стать космонавтом. А нам сейчас нужны молодые...

Моя страсть к исследованиям появилась в раннем детстве. В Ленинграде был Дом занимательной науки. Это гениальное изобретение Якова Исидоровича Перельмана, знаменитого популяризатора науки. У меня есть его книги, изданные ещё до революции. В те годы умели пропагандировать науку, «заражать» наукой подростков. Вот я и заразился наукой хронически. В этом доме занимательной науки разные явления подавались столь необычно, что если у кого-то из ребятшек был хотя бы крошечный резонанс на науку, то он сразу же увлекался ею. Приходишь в комнату: синие обои, на часах двенадцать, на столе в чашечке вода... Вдруг что-то щёлкает, и комната уже красная, на часах — час дня, а в чашечке вино... И сразу задумываешься: а что же произошло? Или стоит швабра. Нарисована точка, где у неё находится центр тяжести. Берёшь швабру, кладёшь этой точкой на палец — она уравновешена. Потом ты разбираешь швабру и кладёшь на весы: оказывается, одна часть перевешивает другую. Как же так?! Ведь было равновесие! И подобные опыты в этом доме ставились настолько наглядно и интересно, что хотелось разобраться, что же происходит. Там появилась у меня тяга к науке.

В тринадцать лет я прочитал «Межпланетные путешествия» Перельмана, это был важный рубеж. Я заболел астрономией и тем, что позже будут называть космонавтикой.

Читал Циолковского и Крылова. Великий кораблестроитель Алексей Николаевич Крылов стал моим кумиром. Им я восхищался. Однажды в кабинете некоего корабельного магната Крылов увидел макет корабля. «Скажите, этот макет в точности повторяет ваш корабль?» — спросил он. Хозяин макета даже обиделся: «Конечно!». — «Тогда, если вы обрежете лопасти винтов на фут, скорость увеличится на два узла». И этот прогноз Крылова подтвердился! Когда нужно было погрузить на судно для отправки в Россию шведские паровозы, он предложил наиболее экономный метод погрузки, чем вызвал восторг бывалых стивидоров Британии и Швеции. От теории он легко переходил к практике. И обо всём писал азартно, остроумно, живым русским языком. Не терпел скуки и рутинёрства. Он был не только кораблестроителем, но и астрономом, и математиком. Я знал, пожалуй, ещё лишь двоих учёных со столь широкими научными интересами: академик Обухова и Раушенбаха. Специалисты вообще делятся на два разряда. Одни узнают всё больше о всё меньшем. И в конце концов знают всё ни о чём. Другие узнают всё меньше о всё большем и в конце концов знают обо всём ничего...

Но я, конечно, был прилежным читателем не только научно-популярной литературы, но и научной фантастики — Богданова, Казанцева, Владко... И жадно смотрел фильмы «Аэлита», «Космический рейс», немецкий фильм «Женщина на луне». Я там просто жил, в экран влезал мысленно, был с героями. Старт ракеты в фильме «Аэлита» меня поразил. Я мечтал стать ракетостроителем! Дух Космоса, мне кажется, там передан блестяще, то есть этот фильм зовёт в Космос, зовёт человека расширить круг своего обитания, и это самое главное. Я его очень полюбил, когда впервые увидел, и много раз смотрел. Мне кажется, что фильм замечательный.

В космос меня позвала фантастика... В годы моего детства фантастики в СССР было немного, так что я перечитал всё,

что было издано. Писатели освоили полёты гораздо раньше Ю. Гагарина и Г. Титова, и не только вокруг Земли, но и в дальний космос, и на Марс, и на Венеру, и в другие миры. Сегодня, хотя фантастической литературы в сотни раз больше, новых качественных, прорывных книг меньше, чем пятьдесят лет назад. Не так давно я принимал участие в семинаре молодых фантастов и услышал там, что Стругацкие устарились. Я сказал молодому писателю: «Давайте подождём хотя бы десять лет и посмотрим, будут ли печатать вас или по-прежнему Стругацких». Фантастика, как и все виды массовой культуры, сильно «пожелтела», поэтому лично для меня она закончилась Стругацкими, Ольгой Ларионовой и, конечно же, Станиславом Лемом. Со всеми этими писателями мне посчастливилось встречаться и беседовать.

Сегодня я фантастику почти не читаю, больше интересуюсь литературой о происхождении нашей цивилизации. Полёты в космос не так меня волнуют, как вопрос, кто мы, откуда и куда, гомо сапиенсы мы, или ещё не сапиенсы... или уже не сапиенсы. Я хочу понять логику нашего существования в истории. Действительно ли мы произошли от обезьян, эволюция которых заняла миллионы лет, а мы преодолели путь от них до себя за несколько десятков тысяч лет? Вмешался ли кто-то в этот процесс и его ускорил? Или обезьяны — это предыдущая цивилизация, и раньше они были тоже людьми, но деградировали, оттого что стали потребителями...

Школа, книги, Дом занимательной науки — вся система образования помогала мне стать учёным и космонавтом. А что сегодня, в XXI веке? Поделюсь тревогой. И в школе, и в научных институтах, и в космонавтике главную роль стали играть деньги. Ими можно созидать, но можно и разрушать. Специалистов пенсионного возраста стали быстренько увольнять, добиваясь экономии средств. До всех этих «денежно-базарных» отношений, например, в нашей космической отрасли был мощный слав опыта и молодости. Бережно передавался тот опыт, который не передать ни в указах, ни приказах и чертежах. И уходили лишь тогда, когда знания были переданы. В своё время был допущен разрыв: поспешили убрать пенсионеров, и молодёжь стала робкой. Мы решали любые задачи — первый спутник,

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

первый человек, обратная сторона Луны. Что бы ни ставилось, решалось всё. Мало того: отсутствие денег и попытки строить космос на основе безумных кредитов со ставками свыше 20 % — это просто убийство отрасли.

Когда мы обогнали в космической гонке американцев, всегда считавших фаворитами себя, когда мы запустили первый спутник и первого космонавта, американцы изменили свою систему образования — под нашу. Они поняли, что все их богатства не дали им технического превосходства. Наша система образования была очень правильной. Сейчас множество лучших специалистов во всех отраслях за рубежом, особенно в кибернетике, математике, компьютерах — русские. И наши хакеры, чего скрывать, самые лучшие. Советские «мозги», получившие советское образование, всюду ценятся не зря. Нынешнее изменение нашей системы под американскую — это не шаг в российское будущее, а возврат в американское прошлое. Получается, что этим мы выполняем задачу, поставленную Тэтчер, видевшую Россию поставщиком нефти и газа, и где не должны вырастать высокие технологии и научные достижения. И ныне внедряемая система образования хороша лишь для того, чтобы обслуживать эти трубы. Я считаю, система образования и науки не должна зависеть от коммерции. В конечном итоге, это и коммерчески не выгодно!

...Я учился в пятой мужской школе. Интересная была школа, я и сейчас иногда туда захожу, когда бываю в Ленинграде, хотя школа и переехала в другое здание. Школа носит имя Карла Ивановича Мая, талантливого педагога, который ещё в XIX веке основал нашу школу. В этой школе к каждому ученику относились с уважением, раскрывали способности ребят. Нашим директором, или, как тогда говорили, заведующим школой, был фронтовик С.И. Пашков. Он поддерживал традиции К. Мая.

А.А. Замостьянов. **Полвека пилотируемой космонавтики**

Там был потрясающий, просто удивительный физический кабинет, в виде аудитории: громадный массивный стол, громадные доски, а в кабинете видимо-невидимо приборов. Нас учили не по бумажке, а на приборах. Чудом техники был гигантский телескоп, вызывавший во мне трепет и восхищение. Я по физике имел твёрдую «пятёрку». Иногда хулиганил. Однажды в кабинете физики во время экзамена я забрался под стол с приборами и оттуда всем подсказывал. Учитель так и не заметил меня! Там были дверцы — и, если я видел, что кто-то «плывёт» у доски — я мелом писал на дверце решение и показывал товарищу. Выходит, я был неплохой ученик, но всё-таки хулиганил. Но паиньки-мальчики в космос не идут, они в олигархи идут. Наверное, я рос хулиганом. Но не потому, что дрался с мальчишками, хотя и это было, а потому, что очень любил что-нибудь поджечь, взорвать... но это не мешало мне учиться. Наоборот — я всё сильнее интересовался техникой, физикой, астрономией.

Учитель никогда не повторял тему дважды, говорил: если кто не понял, спросите у Гречко, он вам разъяснит. А ещё мне разрешали прийти в школу ночью (даже ключи давали!), достать этот телескоп, поставить на крышу и проводить наблюдения — самостоятельно, без учителей. Одному мне было тяжело это всё таскать, а у меня, как выяснилось, есть умение обучать. Такому педагогическому подходу обычно учат в педагогическом институте, а у меня как-то это от природы было. Со мной в одном классе учился сын генерала, которому не давалась физика. Он был немножечко с ленцой. Его отца вызывали в школу, ругали. Однажды он сказал учителю: давайте я буду платить, а вы дополнительно занимайтесь с моим сыном. Ну, о деньгах в те времена не могло быть и речи. Но учитель сказал, что позаниматься с его сыном мог бы Жора Гречко. Я сидел с ним после уроков, занимался. Он стал «тройки» получать, иногда даже «четвёрки». Прогресс! За это он помогал

мне в наблюдениях. Штатив таскал, телескоп.

Потом я оканчивал 299-ю школу. Там мне запомнился учитель математики. Он требовал мгновенного ответа на любой вопрос. Знания синусов-косинусов-тангенсов, чтобы ночью разбудили — и от зубов отскакивало. Только наизусть. Много формул и значений мы помнили наизусть. А я тогда уже читал про Ландау. Ландау говорил: нельзя загружать память цифрами. Память нужно заполнять идеями, а для цифр есть справочник. Я был согласен с Ландау, а не с нашим учителем. Но через много лет был у меня такой случай: я заведовал на полигоне заправкой ракеты. А кислород испаряется. За два часа половина бака испарится. Поэтому была подпитка кислородом по мере его испарения. Мы сидим в бункере рядом с ракетой. Над нами несколько метров бетона. Наша миссия закончилась. Мы рассчитали заправку и ждём старта. И вдруг вбегают человек, отвечающий за старт, и говорит: отказала подпитка. Что делать? Остаётся несколько минут. Бак теряет кислород и к моменту старта будет его недостаток. Двигатель остановится, пуск будет сорван. Там есть система СОБИС, она начнёт выравнивать, но хватит ли нам горючего до разделения ступеней? Если не хватит — запускать нельзя. Если ошибёшься — снимут голову. Если запретишь пуск — в КБ просчитают процессы и скажут: «Почему ты запретил? Ты мог посчитать». Ошибка в любую сторону будет стоить дорого. У меня ни логарифмической линейки (хотя в этом случае она бы не помогла), ни справочника, ни объёмов и размеров ёмкостей. Стал я лихорадочно вспоминать, какой объём у бака, с какой скоростью испаряется кислород, с какой скоростью в баке будет понижаться уровень на сантиметр. Тогда система СОБИС столько-то выберет, а столько не выберет. И вот тут не Ландау, а учитель оказался прав. Циферки надо помнить. Я посчитал, и получилось, что можно пускать. Мы смотрим

на ракету, она пошла. По мере того, как подходила 120-я секунда, всё решалось — доработает боковушка за счёт гарантийных запасов или нет? Стоим мы, держимся за головы. Идёт репортаж: «120-я секунда, полёт нормальный. Разделение ступеней». Мы вздохнули. Мы выиграли, что разрешили пуск. Но начальник устроил мне разнос. «Как ты посмел разрешить пуск? Ты должен был сказать: условия не выполнены, один бак из десяти недозаправлен, пуск запрещают. Мальчишка, ты рисковал, какое твоё дело?». Но если бы я ошибся — с нас бы «сняли головы». И с начальника. Я говорил ему о государственном деле, о значении пуска для людей... Он мне — о риске и правилах. Мы на разных языках говорили. А нашего школьного математика я тогда вспомнил добрым словом.

Гагарин

Первый раз я увидел его на космодроме Байконур, где работал испытателем ракет. Привезли космонавтов. Мы могли смотреть на этих небожителей только издали. Им показывали ракету, которую мы делали. Нам было, конечно, интересно, ведь мы гордились ракетой, на которой им предстояло летать. Ракета сначала не хотела летать, но она была очень красивая. И, как показало время, она остаётся самой надёжной ракетой всех времён и народов.

Ровней с ними мы себя не считали. Смотрели на них с восхищением. Среди небожителей был Гагарин, ещё не отобранный как первый космонавт. Слухи о нём уже ходили, по некоторым словам Королёва было ясно, что ему нравится Гагарин. Мы, зная, что какой-то Гагарин Королёву нравится, выглядывали издали и присматривались: что это за Гагарин? Какой он есть?

Наше КБ занималось подготовкой полёта Гагарина, поэтому у нас проходила прямая трансляция. Все собрались в зале и переживали весь полёт буквально по минутам, пока Юра благополучно не приземлился.

Второй раз я видел его на митинге в подмосковном Калининграде. После полёта первый космонавт приехал на предприятие, чтобы поблагодарить тех, кто создавал для него ко-

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

рабль — то изделие, которое вывело его в космос и невредимым вернуло на землю.

Наше ОКБ-1 — закрытое предприятие. На заводе была строгая пропускная система. И вот нам объявили, что приедет Гагарин, что митинг пройдёт на самой большой площади внутри предприятия — сразу за проходной. В городе никто не должен был об этом знать. Но когда настало время митинга, по ту сторону ворот собралось множество народа. Это не удивительно: в КБ и на нашем заводе работало полгорода. Слава Богу, что охрана поступила мудро и ворота открыли. Митинг расширился, из закрытого превратился в открытый. Тысячи людей оказались на территории секретного «ящика» — дело по тем временам неслыханное.

Что такое был Гагарин для русских людей и для всего мира, сейчас трудно объяснить. Сдерживать эмоции было невозможно. Одна из наших работниц приготовила для Гагарина букет цветов. И она с такой скоростью к нему рванула с букетом, что он невольно отшатнулся. Потом быстро сориентировался и принял букет. Тут же родился первый анекдот о полёте Гагарина: самый страшный момент полёта — когда на меня стремительно бросилась женщина с букетом. Встреча с Гагариным была для всех нас счастьем.

Я снова встретился и на этот раз познакомился с Гагариным, когда сам был принят в группу гражданских космонавтов и направлен в Звёздный городок на подготовку в ЦПК, Центр подготовки космонавтов. Гагарин был заместителем командира по лётной части. Я первое время всё смотрел на него и сверлил его глазами. Ну, человек был в космосе. Значит, он чем-то от нас обычных людей отличается. У него не было крыльев и нимба, он искренне и добросовестно беспокоился за подготовку. Вникал во всё. Ему шли навстречу. Под его

А.А. Замостьянов. **Полвека пилотируемой космонавтики**

руководством подготовка шла максимально хорошо. Он обеспечивал всё. Мы видели, что он к своим товарищам из первого отряда относится без зазнайства, помогал даже по мелочам в личной жизни. И мы пришли к выводу что он с честью прошёл не только «огонь и воду, но и медные трубы». То, что Гагарин «прошёл огонь и воду», — это понятно, так как любого космонавта готовят по этой программе. А вот то, что он прошёл через такие медные трубы, которые выпали на его долю, — это бы не каждый выдержал! Королёв ведь его выбрал, и не ошибся! Хотя многим из нас, сотрудников Королёва, тогда казалось, что первым должен был быть Герман Титов. Он был очень интеллигентным, начитанным, образованным: как-никак, из учительской семьи. Играл на скрипке, читал наизусть Лермонтова во время испытаний в сурдокамере, мог поговорить о Пушкине, сам писал стихи... В общем, мы были не согласны с выбором Королёва, а оказалось, что правы не мы, а Королёв. Гагарин, выдержав всё это, остался верен друзьям. Работал впоследствии заместителем начальника центра по космической и лётной подготовке. Хотя он по популярности возвысился выше небес, он оставался с друзьями и товарищами равным. Он мог подойти и посоветоваться с ними. Королёв сказал, что Гагарин был очень способным, ярким человеком и, если бы он получил соответствующее образование, то мог бы стать большим учёным. В любой области он оказался бы среди лидеров. Тогда на земле не было равного ему по известности человека. Может быть, и никогда не было такого. И в то же время — равные отношения со всеми, аккуратный приход на службу — как все, без побряжек к себе.

Когда мы уходили домой с работы, его продолжали эксплуатировать в пользу страны и партии. Каждый день он участвовал в форумах, конференциях, митингах. Он был «лицом» нашей страны. И он достойно справлялся с нелёгким грузом общественных забот и поручений, оставаясь самим собой, — был ли среди рабочих, комсо-

мольцев или на приёмах рядом с королями. За него, за его слова или поведение никогда и никому не было стыдно. Обыкновенный, земной, но лучший, самый лучший из народа. Для укрепления авторитета Советского Союза в мире в то время он сделал, наверное, так много, как никто другой. Вся планета наша была озарена лучистой гагаринской улыбкой.

Когда он погиб, остался его мемориальный кабинет в том виде, как было при нём. На столе можно увидеть приглашение на концерт, приглашение на встречу с трудовым коллективом и на перекидном календаре, который открыт на 27 марта, записаны все его многочисленные обязанности и, в частности, *договориться с серпуховским аэроклубом о полёте гражданских.* Это про нас.

Среди космонавтов бытует такая прибаутка, что полёт в космос никому ума ещё не прибавил. Любит наш брат пошутить. Но если серьёзно, я, к примеру, считаю, что полёт в космос действует на человека как усилитель: усиливает всё хорошее в характере его и натуре. Не случайно Королёв выбрал первым именно Гагарина: все его достоинства высветились и обозначились столь ярко, что какие-то мало-значительные недостатки сошли на нет — не было в его поступках, поведении, в отношениях с людьми ничего плохого. И после полёта он остался друзьям таким же верным другом, доступным окружающим, не чванливым, не зазнайстым. Не было у него ни малейших признаков звёздной болезни.

От редакции. Мы желаем Вам, Георгий Михайлович, здоровья и новых открытий, к которым Вы идёте с молодым пылом! И пускай сбудутся Ваши мечты о новых великих космических экспедициях, в которых нынешние российские школьники прославят свою страну. Сергей Павлович Королёв в голодные 1920-е годы мечтал о полёте на Марс. Неужели мы разучимся мечтать, трудиться и побеждать? **НО**